

политика

Д.А.Томильцева

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: СОВПАДЕНИЕ ГРАНИЦ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ¹

Ключевые слова: историческая ответственность, политическая ответственность, субъект ответственности, коллективный субъект, политическое прощение, структурный подход

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-5814.2015.6).

² В качестве примера можно привести инициативу редакционной коллегии журнала «Историческая экспертиза» по созданию международного проекта «Глобальная память» (см. Глобальная 2016).

Определение исторической ответственности является одновременно и очевидным, и сложным. Очевидность заключается в том, что мы видим связь событий, поступков и виновности, о которых идет речь, со способами осмысления прошлого, с проблемами памяти², с тем массивом представлений, который мы обозначаем словом «исторический». Сложности же возникают тогда, когда дело доходит до практики — вменения обязательств, признания вины, принятия мер по устранению или смягчению негативных последствий трагических событий прошлого. Эти проблемы носят уже не исторический, а политический характер, вот только сами способы определения политического весьма различны, что еще больше затрудняет фиксацию исторической ответственности. Как же осуществляются эти взаимопереходы исторической и политической ответственности?

Цель данной статьи — рассмотреть ту область, в которой границы проблемного поля политической и исторической ответственности совпадают, и проанализировать основные для такого понимания подходы. Но говорить об исторической ответственности как о политической не так-то просто, поскольку, с одной стороны, мы будем сталкиваться с соблазном объявить всякий политический и потому ответственный жест историческим, а с другой стороны, окажемся перед сложной задачей установления субъекта ответственности, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что этот субъект может быть коллективным. Ведь когда мы говорим и об исторической, и о политической ответственности, то имеем в виду не только деяния и поступки, которые можно вменить конкретному лицу, но также комплекс событий, повлекших за собой цепь негативных или позитивных последствий, где субъектов нельзя определить индивидуально в силу массового характера этих событий и/или их отставания по времени от момента вменения ответственности. Когда речь заходит о деятельности тех или иных политических институтов либо режимов, остается неясно, кто виновен в большей степени — принимающий решение или исполнитель (а нередко сотни тысяч исполнителей, как официальных, так и неофициальных). Само представление о политическом в этом случае оказывается

слишком подвижным для того, чтобы можно было найти единственно верный ответ.

Попробуем посмотреть на указанную проблему с точки зрения политического прощения, а точнее — просьбы о прощении. Примерно с последней четверти XX в. количество соответствующих жестов в мире существенно возросло. Как правило, политические лидеры, главы каких-то организаций или просто группы объединившихся с этой целью людей публично обращаются к общности жертв или их потомков. Интерес к данной практике, закрепление которой в качестве неформального способа примирительного взаимодействия по поводу трагического прошлого началось с политики денацификации Германии, особенно усилился в связи с работой Комиссии правды и примирения в ЮАР³. Австралия, США, Канада — вот далеко не полный перечень стран, где происходят процессы публичного принятия вины за события прошлого. Один из последних примеров подобного рода — размещение в интернете видеоролика, на котором группа украинской молодежи обратилась к жителям Польши со словами покаяния, а также обмен письмами о прощении между украинскими и польскими общественными деятелями — представителями науки и культуры, бывшими политиками⁴.

Публичное признание вины фактически означает принятие ответственности за некие события и попытку примирения или восстановления отношений с жертвами либо их потомками и внешне мало чем отличается от аналогичных практик на межличностном уровне. Трудность ее осмысления обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, в актах просьбы о прощении и принесения извинений грань между коллективным и индивидуальным, личным и официальным, этическим и политическим истончается — во всяком случае, чтобы эти акты возымели должный эффект, став для сообществ жертв (прямых жертв и их потомков) более значимыми, нежели формальные компенсации, эта грань должна быть как можно менее четкой. Кроме того, вопрос состоит еще и в том, обладают ли просящие прощения (впрочем, как и те, кто принимает эту просьбу) достаточным авторитетом для того, чтобы члены той общности, которую они репрезентируют своей просьбой (ответом), могли их поддержать. Во-вторых, сама по себе апелляция к прощению в его христианской или — в более общем смысле — авраамитической традиции предполагает искренность просящего, тогда как доминирующим мотивом, лежащим в основании большинства актов политического прощения, является решение конкретных политических задач, таких как примирение, устранение враждебности между государствами и общностями и т.п. Подобное положение вещей приводит к тому, что Жак Деррида называл «коррупцией» прощения, то есть к невозможности освобождения соответствующего акта от предположения о скрывающемся за ним расчете⁵.

Но вернемся к первому аспекту сложности осмысления практики политического прощения. Мы начали свой разговор с того,

³ *Стоит отметить, что именно случай ЮАР находится в центре внимания исследователей, занимающихся проблемами политического прощения (см., напр. Helmick, Petersen (eds.) 2001; Derrida 2005; Hauner 2010).*

⁴ *См. List 2016; Bracia 2016; Обращение 2016.*

⁵ *Derrida 2001: 46.*

что субъектов политического прощения крайне трудно определить. И здесь нам нужно обратить внимание на два обуславливающих друг друга момента. Первый касается того, кого можно рассматривать в качестве субъекта, берущего на себя ответственность за произошедшее, в акте публичной просьбы о прощении. Второй же относится к интенции этой просьбы. С точки зрения «классического» понимания политической ответственности⁶ субъектом таковой следует считать того (или тех), кто непосредственно принимал решение о покаянии, а также обращался к сообществу пострадавших. На наш взгляд, в рамках данного подхода наиболее удачное определение (коллективного) субъекта политической ответственности было дано Юлием Нисневичем: «В качестве коллективных субъектов политической ответственности могут выступать различные политические институты, в которых имеет место как коллегиальное, так и индивидуальное принятие политических решений, определяющих те или иные коллективные политические действия. При коллегиальном принятии политических решений круг лиц, участвующих в их принятии, должен быть ограничен и персонально определен. И при этом каждый участник коллегиального принятия политического решения несет за участие или неучастие в этом процессе личную ответственность. Если количественный и персональный состав тех, кто участвовал в принятии политического решения, не определен, то при этом обсуждать политическую ответственность не имеет смысла, так как в самой такой процедуре принятия решения изначально заложен принцип коллективной безответственности»⁷.

6 То есть такого понимания, в котором политическое связывается прежде всего со сферой деятельности, а ответственность привязывается к модели, которую Айрис Марион Янг называет «обвинительной», трактуя ее как «ответственность конкретных субъектов, чьи действия могут быть истолкованы как причина тех обстоятельств, за которые взыскивается ответственность» (Young 2004: 368).

⁷ Нисневич 2013: 62.

Другими словами, в этом двойственном акте (политическая декларация и одновременно просьба о прощении) слова покаяния преподносятся так, как если бы за ними стояло реальное сожаление и раскаяние со стороны говорящего (возможно, иногда это соответствует действительности), но при этом сопряжены с ожиданием определенного эффекта от их произнесения. В подобном случае ответственность за нечто, произошедшее в прошлом, превращается в ответственность за будущее: «Когда оценивают ответственность за последствия, люди также ставят вопрос о контроле или воздействии. Тем, кто несет ответственность (как индивидам, так и институциям), приписываются полномочия контролировать последствия. Если ответственность за причины направлена в первую очередь в прошлое, то ответственность за воздействие, в сущности, ориентирована в будущее... то есть вопрос о такой ответственности связан с попыткой установить, что может быть сделано для того, чтобы предотвратить повторение последствий»⁸.

⁸ Gyengar 1990: 23.

За этим ожиданием эффектов акта политического прощения скрывается, однако, проблема совпадения и вместе с тем расхождения контуров исторической и политической ответственности. Дело в том, что просьба о политическом прощении всегда направляется от некоего лица (партии, политической организации, этнической / религиозной

⁹ Ямпольская 2014: 14. В приведенном пассаже Анна Ямпольская описывает позицию Деррида, выраженную в его докладе по случаю 200-летия Декларации независимости США: «Юридически, подписывающего не было до самого текста Декларации, которая сама остается производителем и гарантом своей собственной подписи» (Деррида 2012: 36).

¹⁰ Текст статьи был написан до знакомства автора с книгой Алейды Ассман «Новое недо-вольство мемориальной культурой», в которой, в частности, обсуждается этот эпизод. Особо следует отметить проблему, обозначенную исследовательницей, но оставшуюся вне поля нашего рассмотрения: «Тем сильнее оказалось общественное разочарование, когда выяснилось, что заявление Радда не повлекло за собой никаких политических и юридических последствий. Исторический потенциал, заложенный в акте политического покаяния, растрачивается впустую и даже порождает общественную фрустрацию, если он не сопровождается политическими переменами, не устраняет острых проявлений политического неравенства» (Ассман 2016: 180).

группы или — в более общем смысле — народа), и, каким бы это лицо ни было, речь идет о конкретных людях, наделенных полномочиями действовать и, соответственно, предоставлять некие гарантии и обязательства, которые могут быть формализованы, в том числе юридически.

В свою очередь, в случае исторической ответственности предполагается наличие некоей общности, контуры которой полностью не определимы. Скажем, если прямые вершители злодеяний известны, но уже мертвы, а событие, о котором идет речь, слишком масштабно, чтобы быть редуцированным до уровня непосредственных исполнителей, то вина за произошедшее ложится на более широкие группы (преемников, наследников, потомков). Так, можно назвать поименно всех палачей НКВД, однако система взаимных доносов все равно будет анонимной, а значит, вопрос о покаянии и ответственности за репрессии останется открытым.

Парадокс исторической ответственности состоит в том, что она и не предполагает изначально определенного субъекта ответственности, поскольку тот конструируется в момент принятия ответственности — например, в виде просьбы о прощении. Другими словами, «субъект ответственности не предшествует речевому акту, но, напротив, этот лишенный самоидентификации субъект как таковой возникает в том же самом речевом акте, в котором он на себя эту ответственность берет»⁹.

Иначе говоря, в момент просьбы о прощении в самой произносимой (или представленной в письменном виде) формуле самоименования, а также в акте адресации, в котором создается уже другое действующее лицо (вы есть, поскольку мы обращаемся к вам), и возникают субъекты исторической ответственности. То есть, для того чтобы обращение с просьбой о прощении обрело историческое (в данном случае историческое следует понимать как политическое) значение, процесс самоименования должен разрушать анонимность, причем не только тех, кто действовал в прошлом, i.e. конкретных виновных, но и ныне живущих. Это означает, что индивид, декларирующий свою принадлежность к сообществу, от лица которого или ради которого испрашивается прощение, соотносит себя с теми, кто просит прощения, и действует в соответствии с этим.

Попробуем пояснить это положение на следующем примере. Кевин Радд, премьер-министр Австралии, произносит речь, в которой от себя как главы кабинета (то есть не в личном качестве), а также от имени правительства и парламента обращается к аборигенному населению, и прежде всего к «украденному поколению», с выражением сожаления по поводу проводившейся в прошлом политики насильственной ассимиляции и просьбой о прощении¹⁰. Принципиально важным здесь является указание на позицию испрашивающего прощения («как премьер-министр Австралии я...») — ею легитимируется право говорить от имени органов государственной власти, а также

обосновывается, почему именно этот человек на этом месте адресует этим людям слова покаяния: «Как премьер-министр Австралии я говорю украденному поколению: простите (I am sorry). От имени правительства Австралии я говорю: простите. От имени парламента Австралии я говорю: простите. Я безоговорочно приношу вам эти извинения (offer you this apology)»¹¹.

¹¹ Full 2008. Русский перевод текста официального извинения см. Извинение б.г.

В своей речи Радд указывает, что действует как должностное лицо и в соответствии с занимаемой должностью высказывает сожаление по поводу принятой в прошлом бесчеловечной практики, признавая политическую преемственность и принимая на себя обязательства по искоренению последствий подобной политики (таких, как маргинализация аборигенного населения, сильное социальное неравенство и т.п.). Более того, обосновывая необходимость покаяния нынешних органов государственной власти, премьер-министр отмечает: «Мы, парламент нации, полностью ответственны, не те, кто приводил в действие наши законы. И проблема коренится в самих законах... Мы — наследники множества благодеяний наших предшественников; по этой причине мы должны быть также наследниками их бремени»¹². Другими словами, корнем зла признаются не поступки отдельных людей — рядовых исполнителей (как тут не вспомнить концепцию банального зла!), но система законодательства, сделавшая возможным такое «исполнительство».

¹² Full 2008.

Следует обратить внимание на то, что «наследование бремени» происходит тогда, когда некие практики или события прошлого признаются негативными. Иначе говоря, ранее разделявший лишь пострадавшей стороной взгляд на события не просто обретает право на существование (до этого он игнорировался либо расценивался как маргинальный), но официально объявляется единственно верным. Событию, для общности агрессоров или обидчиков, занимающей привилегированное положение и обладающей властью и далее отрицать трагические факты прошлого, ответственность в ее историческом и политическом измерении начинается именно с акта признания.

До момента признания те же события наделялись иным смыслом и иной ответственностью. Важно отметить, что придание государственному аппарату статуса главного виновного призвано минимизировать социальный раскол между «пострадавшими» и «обидчиками», который возникает независимо от того, действительно ли те, кто относит себя и других к соответствующим категориям, причастны (и в какой мере) к произошедшим событиям.

Аргументация, использованная Раддом в речи о покаянии, во многом следует в русле рассуждений Поля Рикёра, который подчеркивал: «Нужно уметь видеть разоблачение политического зла как зла, присущего власти, там, где есть соблазн видеть лишь пережиток устаревшей идеи коллективного греха, предшествовавшей идее индивидуального проступка и наказания; именно политическое существование человека придает греху историческое значение, разрушительную мощь и, если

¹³ Рикёр 2002: 298—299.

говорить откровенно, — величие... Именно политические структуры с их порядком и гарантированностью существования обеспечивают историческую реализацию *humanitas* и *universalitas*»¹³.

¹⁴ Full 2008.

В полном соответствии с данной позицией премьер-министр Австралии объясняет неаборигенному населению страны, почему от парламента и правительства требовались слова покаяния. Тут-то и возникает мотив исторической ответственности — апелляция к необходимости выстраивания моста между прошлым и будущим, дабы преодолеть (но не подвергнуть насильственному забвению) разделяющие людей взаимные обиды, трагедии и скорбь, препятствующие построению единой общности: «Совершая это, мы не просто боремся с фактами, свидетельствами и часто ожесточенными общественными дискуссиями. Совершая это, мы всегда боремся со своей собственной душой. Это не взгляд на историю сквозь траурную повязку, как некоторые утверждают; это всего лишь правда, неприкрашенная, разделяющая, неудобная правда, с которой мы сталкиваемся, которую преодолеваем, от которой освобождаемся. До тех пор, пока мы в полной мере не посмотрим правде в глаза, над нами и нашим будущим как полностью сплотившихся и всецело примирившихся людей всегда будет нависать тень»¹⁴.

Обратим внимание на ту легкость, с которой совершается переход от политической вины и ответственности, возлагаемой на органы государственной власти, к ответственности за совместное будущее, лежащее на всех жителях страны: «мы боремся», «нашим будущим как... всецело примирившихся людей». Ответственность за будущее не предполагает поиска конкретных виновных, а, напротив, «мобилизует» всех граждан страны. Признание трагического факта прошлого становится идеологическим основанием для формирования новой (национальной) сплоченности.

¹⁵ Рикёр 2002: 302.

Что означает зывание к сплоченности? Отталкиваясь от рассуждений Рикёра, мы можем ответить на поставленный вопрос следующим образом: это поиск нового способа разрешения противоречия между универсальностью и различием. «Мы мечтаем о государстве, которому удалось бы разрешить радикальное противоречие между универсальностью, к которой стремится государство, и индивидуализмом и произволом, неотделимыми от него в действительности, — пишет Рикёр, — зло заключается в том, что эта мечта неосуществима»¹⁵. Но если некогда в качестве элемента неподконтрольного произвола выступали племена аборигенов, живших своей автономной жизнью, не подававшейся имевшимся на тот момент способам универсализации и контроля, и сама возможность такого существования уже оказывалась вызовом государственной власти, то впоследствии ситуация изменилась. Новые биополитические концепции и технологии (и здесь нам кажется вполне уместным упомянуть Мишеля Фуко) позволили сделать государство действительно универсальным. Проблема состояла в том, что плачевные итоги

политики насильственной ассимиляции — собственно, того политического зла, за которое власть в лице премьер-министра и просила прощения, — привели к появлению феномена, который Рикёр называет политическим отчуждением¹⁶, то есть к возникновению целой категории людей, чей гражданский статус оставался номинальным, социальное положение — маргинальным, а история замыкалась на трагедии ассимиляции.

¹⁶ Там же.

Возвращение в политику началось с возвращения истории, с проблематизации и критического переосмысления прошлого: «уклоняясь от политики, человек с неизбежностью утрачивает свою человеческую сущность. История и политика ставят человека лицом к лицу с его собственным величием и собственной виновностью»¹⁷. При таком угле зрения тема виновности расширяется и индивидуализируется по мере увеличения индивидуальной вовлеченности в политику. Следовательно, для успешного и эффективного преодоления последствий трагического прошлого власти нужно заручиться поддержкой и мобилизовать как можно большее число граждан. Применительно к нашему примеру подобное включение в политику — и, что крайне важно, в историю — неаборигенного населения Австралии стирает границы между новоприбывшими и потомками первых переселенцев. В результате историческая ответственность принимает иные черты — она направляется на устройство будущего, одновременно «распространяя» последствия прошлого на всех, кто вовлекается в данный процесс.

¹⁷ Там же: 304.

Несколько иное прочтение проблемы политической ответственности предлагает сторонница структурного подхода Янг. В отличие от Рикёра, она привязывает политическую ответственность и вытекающие из нее политические обязательства не к власти и политическим структурам, а к структурам социальным и экономическим¹⁸. Политическая ответственность в этом случае распространяется не только на принимавших конкретные решения или совершавших конкретные поступки, но и на тех, кто своей деятельностью оказался включен в структуры, обеспечивающие саму возможность принятия таких решений и совершения таких поступков, то есть не только на угнетателей, но и на жертв, своими действиями поддерживающих установленный порядок: «то, что некоторые люди несут ответственность за несправедливость, не обязательно освобождает от нее остальных»¹⁹. Более того, при таком рассмотрении в качестве порочных и неприемлемых зачастую предстают те поступки (практики), которые на момент совершения относились к разряду общепринятых и нормальных²⁰. Другими словами, вопрос о виновности связывается не с отклонением и нарушением, а с анализом структурных процессов, приводящих к несправедливости, и поиском путей их преодоления, дабы не допустить воспроизводства несправедливости в будущем²¹.

¹⁸ Young 2004: 376.

¹⁹ Ibid.: 377.

²⁰ С этих позиций мы можем, в частности, анализировать крепостное право в России, оценивать его экономические и культурные последствия.

²¹ Young 2004: 378—379.

Недостаток подобной позиции состоит в том, что она порождает соблазн трактовать политическую ответственность как коллективную,

²² *Арендт 2013: 205.*

то есть объявлять виновными всех принадлежащих к соответствующему сообществу вне зависимости от их конкретных деяний. Между тем, как отмечала в свое время Ханна Арендт, «когда все виновны — невиновен никто»²². В связи с этим Янг специально подчеркивает, что, наряду с индивидуальной ответственностью человека за собственные поступки, существует ответственность структурная, которая носит «разделенный» характер, когда значение имеет не единичный поступок, а суммарный эффект индивидуальных действий и люди, организующие и совершающие те или иные деяния, осознают их вклад в более масштабные процессы и последствия таковых: «Форма ответственности тогда является политической в том смысле, что действие в соответствии со своими обязанностями включает в себя присоединение к другим в публичном дискурсе, где мы пытаемся убедить друг друга в направлении коллективного действия»²³.

²³ *Young 2004: 380.*

Таким образом, исследовательница меняет ракурс рассмотрения, перенося упор с традиционного вопроса, устремленного в прошлое (кого мы можем за это наказать?), на вопрос, устремленный в будущее (что мы вместе можем сделать для исправления ситуации?), в рамках которого главное заключается в том, обладают ли люди ресурсами для преодоления факторов, приводящих к продуцированию структурной несправедливости. И хотя в данном случае именно граждане выступают субъектами политической ответственности, их действия приобретают значение, только если их разделяют другие²⁴. Различные формы сопротивления, коллективные протесты, забастовки, внедрение новых технологий и способов ведения экономической деятельности, изменение системы образования — вот далеко не полный список возможных вариантов принятия людьми на себя политической ответственности.

²⁴ *Ibid.: 385—387.*

В контексте исторической ответственности данная концепция означает: пусть даже трагические события происходили в достаточно отдаленном прошлом, их отголоски могут сохраняться и воспроизводиться, будучи закреплены в национальной памяти, стереотипных способах мышления «оппонентов» или неких конкретных экономических и социальных практиках (допуск к ресурсам, образованию или медицинской помощи, преференции на рынке труда, более общие аспекты социальной интеграции и т.д.). В этом случае политических извинений и выплаты компенсаций может оказаться недостаточно для исправления ситуации. На передний план исторической ответственности выходят такие масштабные вопросы, как, например, расовая и социальная дискриминация и ее последствия, где привязка к прошлому будет осуществляться через конкретизацию причин, приведших к сложившемуся положению вещей. Политическое прощение здесь может означать, что власть не только и не столько официально принимает на себя вину за случившееся, сколько признает себя основным субъектом, способным исправлять и мобилизовать на исправление.

Как видно из вышесказанного, историческая ответственность является собой особую проблемную область и может быть представлена через разнообразные практики политической ответственности. В свою очередь политическая ответственность и те формы, которые она принимает, зависят от способа идентификации субъекта ответственности. Этот аспект имеет особое значение, поскольку он не только определяет, кто принимает на себя ответственность, но и задает ее направленность к прошлому или к будущему, от чего, со своей стороны, зависит, какие действия будут предприняты.

Историческую ответственность часто трактуют как всеобщее покаяние или требование такового, как безжалостное обвинение «всего народа» — и прошлых поколений, и ныне живущих — не просто в совершении неких преступлений, но в предрасположенности к их повторению. Однако проведенный нами анализ показывает: представление о том, что историческая ответственность — это прежде всего коллективная ответственность за «прошлое», в котором есть общности «правых» и «виновных», неверно, и речь в данном случае следует вести либо о «мобилизации» индивидов, что приводит к появлению множественного субъекта (структурный подход), либо об индивидуализации субъекта (классический подход).

Естественно, что выбор того или иного подхода напрямую зависит от ситуации, в которой он совершается. Здесь нужно учитывать целый ряд факторов, в том числе характер трагического события прошлого, его отдаленность во времени от момента принятия или вменения ответственности, последствия этого события и их влияние на современное положение дел и отношения между задействованными общностями, а также цели, которые те ставят перед собой. В связи с этим следует заметить, что политическая цель исторической ответственности заключается не в том, чтобы усилить распри по поводу прошлого, хотя оно и тяготеет над нами, порой становясь препятствием на пути перемен, развития и созидания. Напротив, историческая ответственность должна сделать возможным будущее, в котором больше не будет условий для воспроизводства трагических событий.

Библиография

Арендт Х. 2013. Коллективная ответственность // Арендт Х. *Ответственность и суждение*. — М.

Ассман А. 2016. *Новое недовольство мемориальной культурой*. — М.

Деррида Ж. 2012. *Ухобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного*. — СПб.

Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке. 2016 // *Гефтер*. 18.07 (<http://gefter.ru/archive/19185>).

Извинение перед коренными народами Австралии (<https://dfat.gov.au/people-to-people/public-diplomacy/programs-activities/Documents/apology-ru.pdf>).

Нисневич Ю.А. 2013. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // *Полис*. № 4.

Обращение украинской молодежи к польскому народу. 2016 (<https://www.youtube.com/watch?v=x3unWJsdOxE>).

Рикёр П. 2002. Политический парадокс // Рикёр П. *История и истина*. — СПб.

Ямпольская А.В. 2014. Речевой акт как событие: Деррида между Остином и Арендт // *Социологическое обозрение*. № 2 (13).

Bracia Українці. 2016 // *Tokfm.pl*. 4.07 (http://www.tokfm.pl/blogi/liberte/2016/07/bracia_ukraincy/1).

Derrida J. 2001. To Forgive: The Unforgivable and the Imprescriptible // Derrida J. *Questioning God*. — Bloomington.

Derrida J. 2005. *On Cosmopolitanism and Forgiveness*. — L.

Full Transcript of PM's Speech. 2008 // *The Australian*. 13.02 (<http://www.theaustralian.com.au/news/nation/full-transcript-of-pms-speech/story-e6frg6nf-111115543192>).

Hayner P. 2010. *Unspeakable Truths: Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions*. — N.Y.

Helmick R.G., Petersen R.L. (eds.) 2001. *Forgiveness and Reconciliation: Religion, Public Policy, and Conflict Transformation*. — Radnor.

Iyengar S. 1990. Framing Responsibility for Political Issues: The Case of Poverty // *Political Behavior*. Vol. 12. № 1.

List Українців до Полaków: Прzebaczamy i prosimy o przebaczenie. 2016 // *Wyborcza.pl*. 4.06 (<http://wyborcza.pl/1,75968,20181590,list-ukraincow-do-polakow-przebaczamy-i-prosimy-o-przebaczenie.html>).

Young I.M. 2004. Responsibility and Global Labor Justice // *Journal of Political Philosophy*. Vol. 12. № 4.

References

Arendt H. 2013. Kollektivnaya otvetstvennost' // Arendt H. *Otvetsvennost' i sujdeniye*. — M.

Bracia Українці. 2016 // *Tokfm.pl*. 4.07 (http://www.tokfm.pl/blogi/liberte/2016/07/bracia_ukraincy/1).

Derrida J. 2001. To Forgive: The Unforgivable and the Imprescriptible // Derrida J. *Questioning God*. — Bloomington.

Derrida J. 2005. *On Cosmopolitanism and Forgiveness*. — L.

Derrida J. 2012. *Ukhobiografii: Uchenie Nietzsche i politika imeni sobstvennogo*. — SPb.

Full Transcript of PM's Speech. 2008 // *The Australian*. 13.02 (<http://www.theaustralian.com.au/news/nation/full-transcript-of-pms-speech/story-e6frg6nf-111115543192>).

Globalnaya pamyat': kultura istoricheskoy otvetstvennosti v XXI veke. 2016 // *Gefter* 18.07 (<http://gefter.ru/archive/19185>).

Hayner P. 2010. *Unspeakable Truths: Transitional Justice and the Challenge of Truth Commissions*. — N.Y.

Helmick R.G., Petersen R.L. (eds.) 2001. *Forgiveness and Reconciliation: Religion, Public Policy, and Conflict Transformation*. — Radnor.

Iyengar S. 1990. Framing Responsibility for Political Issues: The Case of Poverty // *Political Behavior*. Vol. 12. № 1.

Izvinenie pered korennyimi narodami Avstralii (<https://dfat.gov.au/people-to-people/public-diplomacy/programs-activities/Documents/apology-ru.pdf>).

List Ukraińców do Polaków: Przebaczymy i prosimy o przebaczenie. 2016 // *Wyborcza.pl*. 4.06 (ukrain<http://wyborcza.pl/1,75968,20181590,list-ukraincow-do-polakow-przebaczymy-i-prosimy-o-przebaczenie.html>).

Nisnevitch Yu.A. 2013. Politicheskaya otvetstvennost': institucionalnaya postanovka problemy // *Polis*. № 4.

Obraschenie ukrainskoy molodyogi k polskomu narodu. 2016 (<https://www.youtube.com/watch?v=x3unWJsdOxE>).

Ricœur P. 2002. Politicheskiy paradox. // Ricœur P. *Istoria i istina*. — SPb.

Yampolskaya A.V. 2014. Rechevoy act kak sobytie: Derrida meghdu Ostinom i Arendt // *Sociologicheskoe obozrenie*. № 2 (13).

Young I.M. 2004. Responsibility and Global Labor Justice // *Journal of Political Philosophy*. Vol. 12. № 4.